

Вып. 1.

838041

Проз. 1588

Пров. 68

Livr. 1.

ОБЩЕСТВО СОДѢЙСТВІЯ УСПѢХАМЪ ОПЫТНЫХЪ НАУКЪ И ИХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢНЕНІЙ
имени Х. С. Леденцова.

С
М
В
П
**ТРУДЫ
Карадагской Научной Станціи
имени Т. И. ВЯЗЕМСКАГО.**

Выпускъ первый.

Подъ редакціей товар. предс. О-ва засл. проф. И. А. Каблукова
и завѣдывающего Станціей А. Θ. Слудскаго.

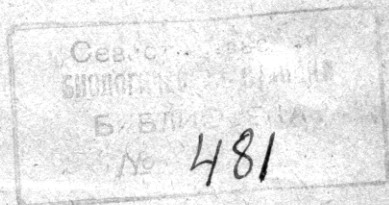
**Travaux de la Station des sciences naturelles
à Karadagh (Crimée),
fondée par le Dr T. Wiasemsky.**

Rédacteurs: Prof. J. Kablukov et A. Sloudsky.

1917.

МОСКВА,
Типографія Т-ва Рябушинскихъ,
Страстной монаст., Путинковскій пер., собств. домъ.
1917.

А. Слудскій.

Терентій Ивановичъ Вяземскій, какъ основатель Карадагской Научной Станціи.

Оцѣнку человѣкъ получаетъ единственно по выбору тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремится и по тѣмъ средствамъ и энергіи, съ которыми онъ достигаетъ намѣченной конечной цѣли своей жизненной дѣятельности.

(Изъ записной книжки Т. И. Вяземскаго).

23 сентября 1914 года скончался докторъ медицины, приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго Университета Терентій Ивановичъ Вяземскій. Его многіе знали въ Москвѣ — одни какъ талантливаго врача невропатолога, другіе какъ энергичнаго и предприимчиваго дѣятеля въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, третьи — какъ вдумчиваго преподавателя гігіены въ Институтѣ имени Шелапутина, а иные просто какъ увлекающагося и увлекающаго вдохновеннаго собесѣдника, поражающаго широкой эрудиціей и необычайно оригинальнымъ и смѣлымъ полетомъ мысли. Разные люди, съ совершенно различными міровоззрѣніями пришли на его могилу отдать послѣдній долгъ покойному и съ равнымъ правомъ называли его своимъ близкимъ, своимъ другомъ: онъ дѣйствительно былъ другомъ людей, другомъ человѣчества — въ этомъ была главная сущность и неотразимое обаяніе его личности.

Но съ точки зрѣнія житейской повседневности онъ былъ страннымъ человѣкомъ. Люди называютъ страннымъ все то, что не укладывается въ шаблонъ жизни средняго, зауряднаго человѣка. А для Терентія Ивановича такого шаблона не существовало. Его мысль не стѣснялась границами того, что „принято“ или „не принято“ и широкими взмахами летѣла туда, гдѣ, по его мнѣнію, была правда, было торжество лучшихъ сторонъ природы человѣка.

Въ ряду такихъ необычныхъ идей въ его головѣ родилась мысль о созданіи тюремныхъ научныхъ лабораторій. Онъ пришелъ къ продуманному выводу, что, заключая въ тюрьмы интеллигентныя силы, государство не только губитъ эти силы для ихъ личной человѣческой жизни, но и непроизводительно теряетъ тѣ запасы умственной энергіи, которые могли бы быть широко использованы въ интересахъ самого

государства. И вотъ, не отрицая необходимости тюремнаго заключенія, или не считая возможнымъ бороться съ этимъ явленіемъ, Терентій Ивановичъ остановился на мысли продуктивнаго использованія труда заключенныхъ при условіи сохраненія тюремнаго режима, путемъ созданія научныхъ тюремныхъ библіотекъ и лабораторій.

И Терентій Ивановичъ убѣдительно и увлекательно развилъ эту мысль передъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ И. Д. Деляновымъ. А до этого началъ уже собирать книги для научной тюремной библіотеки.

Идея показалаь министру „странной“, а Терентій Ивановичъ— страннымъ, и, даже, опаснымъ для государства человѣкомъ. Настолько опаснымъ, что ему едва не пришлось самому испытать тяжести заключенія.

Видя полную бесполезность борьбы, Терентій Ивановичъ нѣсколько измѣняетъ самую основу своей мысли. Если нельзя устроить лабораторію при тюрьмѣ—пусть будетъ создана лабораторія въ такой обстановкѣ, которая обезпечила бы труженикамъ науки спокойный ходъ научной работы. Пусть будетъ непосредственное общеніе съ природой, пусть не будетъ никакихъ развлеченій и соблазновъ города. И желательно, чтобы эта лабораторія была доступна всякому серьезному работнику науки. Не нужно ни образовательнаго ценза, ни принадлежности къ какой-либо опредѣленной корпораціи. Достаточной гарантіей пусть будетъ рекомендація любого изъ ученыхъ обществъ или учреждений Россіи. Желательно, чтобы матеріальная стѣсненность человѣка не мѣшала его работѣ въ этой лабораторіи. Желательно, чтобы люди слабые физически могли работать, не ослабляя своего здоровья, какъ это часто происходитъ при тяжелыхъ условіяхъ лабораторной работы въ большихъ городахъ.

Несмотря на то, что эта новая постановка вопроса была въ значительной степени далека отъ первоначальной идеи, Терентій Ивановичъ отдался ей съ такимъ же жаромъ, съ такимъ же энтузіазмомъ. Онъ обратился съ призывомъ поддержать эту идею и помочь превратить ее въ реальное воплощеніе—въ созданіе научнаго института—къ нѣкоторымъ русскимъ выдающимся ученымъ. Но встрѣтилъ холодный приѣмъ. Ему было указано, что его мечта слишкомъ утопична, что реальное осуществленіе ея невообразимо трудно, что сама идея недостаточно безспорна—что въ Россіи нѣтъ потребности въ такомъ учрежденіи.

Но нашелся человѣкъ, который самъ воспламенился энтузіазмомъ Т. И. Вяземскаго и въ эту трудную минуту перваго начинанія принялъ горячее активное участіе въ дѣлѣ созданія предполагаемаго института. Это былъ профессоръ фізіологіи Императорскаго Московскаго Университета Левъ Захаровичъ Мороховецъ.

Ни Т. И. Вяземскій, ни Л. З. Мороховецъ не располагали большими средствами. Дѣло было начато безъ какого-либо основного капитала. Вяземскій предоставилъ для будущей Станціи участокъ своего имѣнія „Карадагъ“ близъ Отузъ въ Крыму и свою библіотеку, которая уже къ тому времени была очень обширна. Мороховецъ взялся доставлять исподволь необходимыя средства для постройки. И тотъ и другой вложили въ это дѣло всю свою душу, и лично, безъ архитекторовъ и техникумовъ разработали и стали приводить въ исполненіе планъ постройки. Это было въ 1907 году.

По проекту Т. И. Вяземскаго и Л. З. Мороховца предполагалось устройство біологической морской станціи съ вспомогательнымъ физико-химическимъ оборудованіемъ, которое позволило бы станціи производить работы не только систематическаго и морфологическаго, но и фізіологическаго характера. Предполагалось связать станцію съ Московскимъ Университетомъ и, въ частности, съ фізіологическимъ кабинетомъ Университета, находившимся тогда въ завѣдываніи Л. З. Мороховца.

Обращеніе инициаторовъ дѣла къ мѣстному обществу нашло откликъ среди земскихъ дѣятелей. Въ архивѣ Станціи имѣется слѣдующая телеграмма на имя Л. З. Мороховца отъ 12 января 1908 г.:

„Таврическое Губернское Земское Собраніе приноситъ благодарность основателямъ Карадагской Біологической Станціи и единодушно привѣтствуетъ въ ихъ лицѣ инициаторовъ крупнаго научнаго института, которому суждено установить связь между Крымомъ и Московскимъ Университетомъ. На снабженіе Станціи метеорологическими приборами собраніе единодушно сдѣлало ассигновку.

Предсѣдатель Собранія Нестроевъ“.

Среди отдѣльныхъ лицъ, сочувствіе которыхъ поддерживало энергію устроителей Станціи, особенно большое значеніе имѣлъ членъ Государственной Думы (а нынѣ—Государственнаго Совѣта) Соломонъ Самуиловичъ Крымъ.

На его долю выпало трудное дѣло улаживанія всевозможныхъ затрудненій и треній, которыя неизбежно возникали въ этомъ большомъ дѣлѣ и несомнѣнно, что его дѣятельному сочувствію Станція обязана очень многимъ.

Постройка Станціи шла медленно. Съ одной стороны виною этому былъ недостатокъ денежныхъ средствъ, съ другой—отсутствіе на мѣстѣ необходимыхъ матеріаловъ и кадра рабочихъ. Терентій Ивановичъ лично руководилъ всѣми деталями постройки, покупалъ матеріалы, нанималъ рабочихъ.

Проектъ Станціи былъ задуманъ широко, а средствъ и силъ для выполненія его было мало. Изъ года въ годъ тянулась стройка, выяснялись новыя детали, новыя потребности. Уходили года, уходили

силы и Л. З. Мороховца, и Т. И. Вяземскаго. Болѣзнь, постигшая Л. З. Мороховца, заставила его отказаться отъ продолженія начатаго предпріятія. Это было тяжелымъ ударомъ для дѣла Станціи. Постройка, уже близкая къ окончанію, почти не двигалась—у Т. И. не хватало средствъ на ея продолженіе. Сочувственное отношеніе общественныхъ силъ было поколеблено крайней медленностью исполненія замысла. Только С. С. Крымъ неизмѣнно старался поддержать начатое дѣло. Но и въ эти тяжелыя минуты горячая вѣра въ свое дѣло не покидала Терентія Ивановича. И если нельзя было продолжать постройку Станціи, то онъ все же продолжалъ собирать драгоценную библиотеку для нея, въ твердой увѣренности, что дѣло не погибнетъ. А между тѣмъ роковая болѣзнь уже начинала подтачивать его силы.

Къ этому времени судьба забросила на Карадагъ нѣсколькихъ лицъ, которыя поняли и высоко оцѣнили завѣтную мечту Терентія Ивановича. Среди нихъ были проф. А. П. Павловъ, М. В. Павлова, прив.-доц. А. И. Бачинскій, О. А. Карякина и др. Составился кружокъ лицъ, для которыхъ идея Карадагской Станціи была близкой и дорогой, которые стали поддерживать и распространять эту идею, кто какъ могъ и умѣлъ. Тогда же состоялось личное знакомство между Т. И. Вяземскимъ и Н. А. Умовымъ, который горячо одобрилъ идею Станціи и предсказалъ ей блестящую будущность.

Въ эту эпоху первоначальный проектъ организаціи Станціи получилъ существенныя измѣненія. Выяснилось, что не только море, но и суша можетъ дать обильный матеріалъ для работы на Карадагской Станціи, и не только по біологіи, но и по геологіи и другимъ отраслямъ естествознанія. Выяснилось также, что первоначальный проектъ непосредственной связи Станціи съ Московскимъ Университетомъ представляется нежелательнымъ, что для живого развитія дѣла нужны иныя условія. А. И. Бачинскимъ было предложено сдѣлать попытку связать Станцію съ Обществомъ имени Х. С. Леденцова. Эта мысль была принята Т. И. Вяземскимъ. Послѣ предварительныхъ переговоровъ и ознакомленія Общества съ Карадагской Станціей, на засѣданіи Совѣта Общества 25 марта 1914 года было постановлено принять Станцію, какъ пожертвованіе со стороны Т. И. Вяземскаго, и 19 мая того же года состоялась юридическая передача Станціи Обществу.

На томъ же засѣданіи Совѣта Общества Т. И. Вяземскій былъ единогласно избранъ Завѣдывающимъ Станціей. Къ этому времени строительныя работы подвинулись настолько, что было признано возможнымъ приступить къ частичному первоначальному оборудованію Станціи, не ожидая полного окончанія постройки. Была приобрѣтена небольшая шлюпка, нѣкоторые приборы для лова, необходимая посуда и реактивы. На Станціи была установлена самая необходимая мебель. Къ сожалѣнію силы Терентія Ивановича быстро таяли. При передачѣ

Станціи Обществу его здоровье было уже такъ надорвано, что ему не пришлось послѣ этого ни одного раза посѣтить Станцію, и 23 сентября того же года онъ навѣки ушелъ отъ насъ.

А на 23 сентября было назначено засѣданіе Совѣта Общества имени Х. С. Леденцова, на которомъ предполагалось присвоить Карадагской Научной Станціи имя Терентія Ивановича Вяземскаго—что и было исполнено черезъ нѣсколько часовъ послѣ его смерти. И начиная съ этого дня много поколѣній научныхъ работниковъ будутъ съ благодарностью произносить славное имя основателя, жертвователя и перваго завѣдывающаго Станціи.

Мой очеркъ былъ бы не полонъ, если бы я не указалъ, что еще пока Станція совершенно не была оборудована, Т. И. старался всѣми способами содѣйствовать тѣмъ научнымъ работамъ, которыя такъ или иначе географически связывались съ Карадагомъ. Такъ, благодарное упоминаніе о хозяинѣ Карадага мы имѣемъ въ работахъ Емельяненко, А. И. Александрова и другихъ авторовъ. Ему же всегда благодарная память и автора настоящаго очерка.
